

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

**Сборник материалов XIV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 25–27 апреля 2018 г.)**

**Выпуск 14
Том 2**

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

1940. Ставится цель в поисках отличия между кинематографическим образом прусского короля и фюрером Третьего Рейха.

Key words: Friedrich II, Nazi cinematography, representation of power, the Third Reich, The Second World War.

А.С. Василенко

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ

Науч. рук. – д-р. ист. наук, доцент Д.Н. Шевелев

В работе рассматриваются возможности применения теоретических категорий истории эмоции («эмоциональное сообщество» и «эмоциональный режим») к начальному периоду Гражданской войны в Сибири.

Ключевые слова: история эмоций, Гражданская война в Сибири, эмоциональное сообщество, эмоциональный режим.

Словосочетанием «история эмоций» сегодня вряд ли кого-то можно удивить. Немецкий историк И. Рау пишет: «То, что ученые начинают всерьез изучать историю человеческих чувств – это специалистов сегодня уже не удивляет. Удивлять это может людей, стоящих на почве представлений о неизменной природе человека» [1. С. 110]. Действительно, изучение эмоций в историческом контексте прошло весьма длинный и довольно тернистый путь своего развития, от Л. Февра и Н. Элиаса, К. Гирца и М. Розальдо до У. Редди и Б. Розенвайн.

В настоящее время исследователи единодушны в том, что эмоции воплощают в себе не только те врожденные характеристики, которыми индивид обладает, но и специфическую, культурно обусловленную составляющую, без которой, по-видимому, невозможно представить эмоциональную реакцию человека. В качестве подтверждения наших слов, обратимся к одному из немногочисленных отечественных исследователей эмоций И. Винницкому, который говорит, что при разнообразии целей и методологии исторических исследований ясно, что в основе их находится общее представление о том, что в значительной степени, эмоции формируются и регулируются социумом и способны влиять на него [2. С. 445]. Именно поэтому историков все более и более интересуют эмоции применительно к какому-либо историческому контексту, ведь если эмоции формируются и регулируются обществом, то есть смысл обратиться к

этому обществу и, быть может, ответить на ряд совершенно новых и актуальных вопросов.

Однако, тот исследователь, кто обращается к поиску эмоций в историческом времени, неминуемо столкнется с рядом трудностей, которые необходимо учитывать при исследовании. Эти трудности во многом будут обусловлены попыткой включить некоторые теоретические категории в работу. В качестве примера рассмотрим ситуацию в Сибири летом 1918 г. В это время, за сравнительно короткий срок усилиями местного вооруженного подполья и чехословацких войск советская власть в регионе пала. Особенно важным для нового режима было положительное отношение к перевороту со стороны сибирской деревни. Какова же была эмоциональная реакция сибирских крестьян на происходящие события в изображении периодической печати?

В данном случае, крестьян мы будем относить к единому эмоциональному сообществу. Как правило, эмоциональные сообщества формируются по принципу общности эмоционального репертуара. Это значит, что в рамках такого сообщества эмоциональные реакции, конечно, могут варьироваться, но, в общем и целом, эти реакции должны быть схожими.

«Каково теперешнее настроение широких масс крестьянства, – отмечалось в «Народной газете», – как оно приняло весть о перевороте и реагирует (отвечает) на это, как относится к Временному Сибирскому правительству, – вот то, что сейчас особенно должно не только интересоваться, но и волновать.

Не претендуя ни в коем случае на, хотя бы частичную, полноту сведений в этом направлении, мы все же можем нарисовать картину деревенских настроений, основываясь как на сообщениях с мест, так и на беседах с крестьянами, из местностей, где советская власть уже ликвидирована.

Все они с большой радостью и чувством удовлетворения относятся к падению красноармейского режима. Они говорят, что теперь крестьянство вздохнуло свободно и готово, насколько у него хватит сил и умения, оказать помощь новой власти, вставшей на защиту народовластия и народоправства» [3, 23 июня].

Другая газета, эсеровский «Голос народа», 7 июня писала: *«Люди волнуются и ждут событий. В быстром беге этих событий, в причудливом сочетании гражданских настроений есть одно общее настроение. Имя ему – Радость» [4, 7 июня].* В той же газете, 15 июня, указывалось: *«Крестьяне с чувством глубокого удовлетворения встретили весть о падении большевистской власти в городах и стали сбрасывать ее у себя в деревне» [4, 15 июня].*

Во всех трех случаях мы видим очень похожее проявление крестьянских настроений. Радость и чувство удовлетворения, по словам авторов, являются доминирующими эмоциями сибирской деревни после падения советской власти. Исследуя общий настрой крестьянского «эмоционального сообщества», основываясь только на материалах прессы, мы можем, конечно, констатировать, что деревенский обыватель воспринял переворот с радостью, но будет ли это правомерным?

В данном случае перед нами возникает несколько очевидных проблем, на которых следует остановиться.

Во-первых, это само понятие «радости». В качестве одной из перспектив «истории эмоций» известный немецкий исследователь Я. Плампер выделяет – эволюцию самих понятий, обозначающих эмоции [5. С. 33]. При этом следует учитывать, что семантика эмоции с большой долей вероятности менялась с течением времени.

Во-вторых, это хорошо заметная и бросающаяся в глаза стереотипность, клишированность фраз, обозначающих эмоции крестьянского сообщества. *В-третьих*, нежелательная для нас, обобщенность утверждений.

Исследователь эмоций У. Редди поставил вопрос о политической сущности принятых эмоциональных стандартов и норм, а также о причинах их трансформации. С его точки зрения, любая власть навязывает своим подданным специфический «эмоциональный режим» (emotional regime), т. е. набор определенных нормативных эмоций, реализующийся в официальных ритуалах и практиках [6].

Материалы периодической печати показывают начало формирования такого «эмоционального режима» в Сибири.

«Народная газета, – отмечалось уже в первом номере, 21 июня 1918 г., – ставит себе положительную задачу – внедрение в сознание народной массы точных и ясных знаний об ее нуждах и способах удовлетворения их, о формах власти, нужных народу, как в центре, так и на местах, о великом несчастье, постигшем нашу родину, и необходимости сплочения всех сил страны для спасения ее, о неизбежности жертв, которые каждый гражданин должен на алтарь возрождения отечества» [3, 21 июня].

В этой же газете, являвшейся официальным органом Томской губернской земской управы, 9 июля, говорилось: *«Народная газета должна не только отражать волю народа, но и создавать ее. Газета не протокол: она не ограничится только описанием того, что есть, о чем люди думают и делают. Она должна помочь правильно действовать. С нас достаточно того поистине горького опыта, который над нами проделывали большевики со своей советской властью»* [3, 9 июля].

Немного позднее, 9 августа 1918 г., та же газета писала: «*Народ – и массы и их вожди – должен твердо запомнить, что тоска по царской власти и тоска по «рабоче-крестьянском» правительстве есть тоска по враждебной ему власти*». [3, 9 августа].

Такие словосочетания, как «внедрение в сознание народной массы», «создавать волю народа», «тоска по враждебной власти», с известными оговорками можно назвать инструментами не только пропаганды, но и формирования вполне определенного эмоционального режима. Казалось бы, верно прослеживается желание авторов статей воспитать у читателей чувства (что сегодня принято называть) злости и ненависти к большевикам.

Но являлось ли это инструментом формирования эмоционального режима в действительности?

Российский филолог А. Зорин утверждает, что продуктивность модели, предложенной исследователем, ограничена его сфокусированностью на сфере политического [6]. Кроме того, устойчивой власти в тот период времени не было, даже Сибирское правительство именовалось «временным». По нашему мнению, эмоциональный режим формируется устойчивой властью, т.е. той, которая обладает легитимностью в глазах граждан. Помимо этого, эмоциональный режим, по-видимому должен формироваться непосредственно государством, его политикой, в том числе в области средств массовой информации.

В заключение, акцентируем внимание на том, что в данной работе были кратко разобраны две теоретические категории, так или иначе используемые историками эмоций в их исследованиях. Мы постарались рассмотреть то, как применить эти категории к эмпирическому материалу, полученному из периодической печати, рассматриваемого времени. Разумеется, с очевидными рисками и определенными оговорками интегрировать эти категории в исследование можно, однако этот риск сопровождается неизбежными проблемами, которые могут решаться не только благодаря более детальному разбору источников, но и разработке новых методов исследования.

Литература

1. Рау И. О чувствах и эмоциях как предмете истории, философии истории и культурологии: очерк комплексной проблемы // Современная научная мысль. 2015. № 4. С. 109–118.

2. Винницкий И. Заговор чувств, или русская история на «эмоциональном пороге» // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 441–460.

3. *Народная Газета*. Томск, 1918.

4. *Голос Народа*. Томск, 1918.

5. *Плампер Я.* Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. ст. / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 11–36.

6. *Зорин А.* Эмоциология: как историки начали изучать эмоции и чувства. Электрон. дан. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14501-emotsionologiya-kak-istoriki-nachali-izuchat-emotsii-i-chuvstva> (Дата обращения: 10.02.2018).

Vasilenko A.S. THE BEGINNING OF THE CIVIL WAR IN SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF EMOTIONS

In this paper, the author examines the possible application of some theoretical categories in the field of the history of emotions on a specific empirical data, and formulates the problems that arise from this.

Keywords: history of emotions, civil war in Siberia, emotional community, emotional regime.

С.С. Царегородцев

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ ФРЭНСИСА БЭКОНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ КОНФЛИКТОВ

Науч. рук. – д-р полит. наук, заслуженный профессор МГУ А.А. Ширинянц

В статье исследуется творчество Фрэнсиса Бэкона как выдающегося политического теоретика и его научный вклад в политологию. В политических взглядах Бэкона на первом месте стоит задача достижения общественного согласия, устойчивого функционирования общественного организма, представлена методология обеспечения стабильного развития политической жизни Англии. Что также важно и злободневно в наши дни – Бэкон обосновал комплекс политических и социально-экономических мер по предотвращению мятежей и восстаний и, по существу, раскрыл технологию захвата власти оппозицией. Проблема обеспечения политической стабильности, общественного согласия актуальна для современной многонациональной и многоконфессиональной России.

Ключевые слова: Фрэнсис Бэкон, политическая стабильность, общественное согласие, гражданские конфликты.

Обширному творческому наследию, жизни и деятельности выдающегося английского мыслителя Фрэнсиса Бэкона (1561-1626) посвящены многочисленные научные исследования. Хотя социально-политический аспект его творчества рассмотрен в научной литературе недостаточно полно, тем не менее, практическая деятельность Ф. Бэкона как выдающе-